

РАССКАЗЫ Н. В. УСПЕНСКОГО

Г-н Успенский (...) уже не новый писатель; но мы не можем решить: способен ли г-н Успенский к дальнейшему развитию и скажет ли он наконец нам хоть что-нибудь нового? По крайней мере до сих пор он нового не сказал еще ничего, во всех своих *двадцати четырех* рассказах. Несмотря на то, он пользуется в публике некоторым вниманием, особенно благодаря рекомендациям «Современника». Он верно описывает сцены из народного быта, а верных описывателей народного быта у нас всегда было мало. Но если начать судить о г-не Успенском с этой точки зрения (единственной, впрочем, точки зрения, с которой его можно судить), то надо тотчас же принять во внимание, что он явился после Островского, Тургенева, Писемского и Толстого. Хотя и очень немного пользы сделал еще г-н Успенский нашей литературе, но если б он первый, раньше поименованных писателей, явился к нам с своими картинками из народной жизни, мы бы судили о нем совсем по-другому. То-то и есть, лиха беда начало! И говоря его же словами, в его же рассказе «Грушка»: «Цена ему теперь совсем не та».

Да не подумает, впрочем, читатель, что мы хоть сколько-нибудь сравниваем его с Островским, Тургеневым, Писемским и т. д. Предшествовавшие ему замечательные писатели, о которых мы сейчас говорили, сказали во сто раз более, чем он, и сказали верно, и в этом их слава. И хоть они все вместе взглянули на народ вовсе не так уж слишком глубоко и обширно (народа так скоро разглядеть нельзя, да и эпоха не доросла еще до широкого и глубокого взгляда), но, по крайней мере, они взглянули *первые*, взглянули с новых и во многом вер-

ных точек зрения, заявили в литературе сознательно новую мысль высших классов общества о народе, а это для нас всего замечательнее. Ведь в этих взглядах наше все: наше развитие, наши надежды, наша история.

Впрочем, некоторые хотят непременно видеть в г-не Успенском основателя какого-то нового взгляда в описаниях народного быта, изобретателя какой-то новой точки зрения, с которой следует смотреть на народ. Говорят: «г-н Успенский подходит к народу просто, без всяких предубеждений и *заране* составленных взглядов; он разбирает дело *прямо, как оно есть*, потому что общество к верному взгляду на народ еще не приготовлено и даже, на теперешней степени своего развития, стоит ниже настоящего понятия о народе; а следовательно, и всякий литературный предзаданный взгляд будет ошибочен. Удовольствуемся пока материалиом и проч., и проч.». Этого хоть и не говорят с такой откровенностью, но мы старались формулировать самую сущность этого взгляда. Ответим: предзаданный, заране составленный взгляд, конечно, ошибочен, хотя и трудно писателю от него отказаться.

Но взгляд и идея писателя, выведенные уже вследствие разработки накопленного материала, совсем другое дело, совсем не предзаданный и идеальный взгляд, а *реальный* взгляд, выражющий, судя по силе писателя, иногда даже всю *современную* общественную мысль о народной жизни в данный момент. Да оно и естественно. Нельзя сказать человеку: удовольствуйся анализом и накоплением материала и не смей мыслить и выводить заключения. Это все равно если сказать: не гляди глазами, не нюхай носом. В таком предлении будет насилие, а всякое насилие неестественно, ненормально, преступно. Конечно, даже и не в предзаданном взгляде, а в таком, который составился уже вследствие подробнейшего изучения материала, может вкрасться ошибка. Но чрез ошибки приходят к истине. Все-таки это выжитая действительную жизнь мысль. А сидеть и ждать на одном материале покамест идея слетит к нам сама собою с какого-то верху, значит подражать тому господину, который поклялся не прикасаться к воде, пока не научится плавать. (...)

(...) нам кажется, что г-ну Успенскому напрасно и ошибочно приписывают исключительность этого признания нашего отчуждения от родной почвы и смиренномудрого сознания в том, что мы не в состоянии теперь, без более глубокого изучения, верно взглянуть на народ и составить о нем себе верное и точное понятие. В самом деле, наше заключение о г-не Успенском вполне оправдывается, как только мы чуть-чуть

на него повнимательнее посмотрим. Если б он имел такой взгляд исключительно, не повторял бы он того, что до него уже было сказано сто раз, и несравненно выпуклее, типичнее, а главное, шире и глубже и с несравненно большей правдой. Те из наших писателей, которые, изучив по возможности и по способностям своим материю, не побоялись высказать перед нами свой взгляд, свою идею о народном быте, дали нам даже относительно одного материала несравненно более, чем г-н Успенский. У г-на Успенского есть, например, маленький и премиленый рассказ из мелкокупеческого быта, под названием «Грушка». Этот рассказ один из лучших во всей книге. И что же? Это одна только капля выжимки из третьестепенных лиц Островского. Большею частью г-н Успенский вот как делает. Он приходит, например, на площадь и, даже не выбирая точки зрения, прямо, где попало, устанавливает свою фотографическую машину. Таким образом, все, что делается в каком-нибудь уголке площади, будет передано верно, как есть. В картину, естественно, войдет и все совершенно ненужное в этой картине или, лучше сказать, в идее этой картины. Г-н Успенский об этом мало заботится. Ему, например, хотелось бы изобразить в своей фотографии рынок и дать нам понятие о рынке. Но если б на этот рынок в это мгновение опустился воздушный шар (что может когда-нибудь случиться), то г-н Успенский снял бы и это случайное и совершенно не относящееся до характеристики рынка явление. Если б из-за рамки картины проглядывал в это мгновение кончик коровьего хвоста, он бы оставил и коровий хвост, решительно не заботясь о его ненужности в картине. Так почти и во всех рассказах г-на Успенского. Он цепляется за все ненужности и даже не заботится хоть сколько-нибудь связать эти ненужности с делом, чтоб объяснить их по крайней мере читателю, чтоб не кричали эти ненужности и своим неожиданным появлением не повергали в столбняк читателя. Скажут нам: «Да это-то и хорошо, вот именно эта точность хороша». Да разве это точность, и разве в этом должна состоять точность? Это путаница, а не точность. И что вы передадите исключительно одним описыванием материала? Эдак пришлось бы, например, Островского растянуть на двести томов, да и тогда эти двести томов не передали бы нам того, что передал Островский в двух¹. Мало того, и самого материала-то одним дагерротипом верно не передадите.

Мы вовсе не хотим сказать, что у г-на Успенского один только дагерротип. У него есть взгляд, и каков бы он ни был, если только он есть, то уж один факт его существования

прямо опровергает предположения всех тех, которые уверяют, что г-н Успенский боится взгляда и в ожидании составить его изучает одну среду. Мало того, у г-на Успенского есть даже и предзаданные взгляды. Вот, например, весь рассказ «Обоз» написан для того, чтобы посмеяться над мужиками, что они не умели считать. Нам кажется, что если уж просто, совершенно просто, безо всяких предзаданных идей подходит к делу, то уж по крайней мере не следовало бы клонить рассказ только к тому, как мужички считают. Не верим мы, да и не можем поверить, чтоб ничего, кроме этого, в действительности, в самом матерьяле-то, не было. Скажут: снаружи только это было на постоялом дворе, и больше ничего. Да разве это может быть? конечно, было и другое, но г-н Успенский не заметил другого, из-под своего взгляда, потому что ему важно было то, о чем он хотел писать; взглянул бы другой,— другой, наверно, еще бы что-нибудь нашел, третий — третье, и у всех была бы правда. Даже и так могло бы быть: в чем г-н Успенский нашел одно только смешное, в том другой мог бы отыскать, пожалуй, только трагическое, и оба были бы правы. В том-то и дело, что перед нами бессознательно лежит природа. Если бессознательно описывать один матерял, то мы ничего не узнаем; но приходит художник и передает нам *свой взгляд* об этом матеряле и расскажет нам, как это явление называется, и назовет нам людей, в нем участвующих, и иногда так назовет, что имена эти переходят в тип, и наконец когда все поверят этому типу, то название его переходит в имя нарицательное для всех относящихся к этому типу людей. Чем сильнее художник, тем вернее и глубже выскажет он свою мысль, свой взгляд на общественное явление и тем более поможет общественному сознанию. Разумеется, тут почти всего важнее, как сам-то художник способен смотреть, из чего составляется его собственный взгляд,— гуманен ли он, прозорлив ли, гражданин ли, наконец, сам художник? В этом заключается задача и назначение искусства, а вместе с тем определяется ясно и роль, которую имеет искусство в общественном развитии. Кстати, наш журнал обвиняют в том, что мы хотим понять и изучить современность одним искусством и какими-то еще восторгами художников и поэтов. Мы никогда не говорили такого вздора; мы всегда только отстаивали и заявляли самостоятельное значение искусства, естественность его самостоятельности и, таким образом, его полную необходимость в деле общественного развития и сознания, но вовсе не исключительность. Впрочем, мы писали для тех, которые способны хоть что-нибудь понимать. Искусство помогает

сильным и могущественным образом человеческому развитию, действуя на человека пластиично и образно. Но критика так же естественна и такую же имеет законную роль в деле развития человеческого, как и искусство. Она сознательно разбирает то, что искусство представляет нам только в образах. В критике выражается вся сила, весь сок общественных выводов и убеждений в данный момент. Но, кроме нее, есть и еще тоже совершенно самостоятельная сила, тоже служащая к развитию человечества и полнейшему его сознанию. Это — наука, сила страшная, родившаяся с человеком и которая не оставит его до тех пор, пока человек будет жить на земле. Мы всё это признавали и признаем, и напрасно обвиняют нас, что мы все надежды развития и общественного сознания возлагаем только на одно искусство. Впрочем, не отвечать же нам на все нелепости, которые на нас взводят!

Но заключим же о г-не Успенском.

Все, что мы написали в этой статье до сих пор, клонилось только к тому, чтобы отвергнуть бездарную и тупую мысль рабского и пассивного принижения перед матерьялом и заявить, что на деле этого *и быть не может*. Кстати, чтобы уж покончить с этим, скажем: воздержность в поспешности вывода из наших изучений народного быта полезна и необходима; она спасает от идеализации и многих других ошибок; но излишняя осторожность и недоверчивость к себе в этих выводах почти точно так же вредна. Мы боимся ошибок, боимся часто из одного самолюбия, а между тем изучение народного быта необходимо. Пусть будут ошибки, но ошибки долго не проживут, и только через ошибки мы придем к истине. Истина всегда трудно доставалась. Кто убежден в своем мнении, в своем выводе, — пусть заявляет его. Это благороднее трусливого молчания. Смешно думать, что мы разом достигнем всей правды. Когда так делалось? Когда это бывало? Пусть только не будет недобросовестных выводов, и вот всё, что покажется нужно. Г-н Успенский тоже не мог писать безо всякой мысли, и у него есть мысль. Выводов окончательных он, правда, не представляет, ни художнических, ни сознательных, может быть, потому, что талант его не так силен, чтобы формулировать всю мысль, его движущую, ясно и определительно. Но все-таки у него есть зачаток мысли, широкой и плодотворной, и следов ее нельзя не видеть, прочтя его книгу. Г-н Успенский, во-первых, любит народ, но не за то-то и потому-то, а любит его как он есть. Для него все дорого в народе, каждая черта; вот почему он так и дорожит каждой чертой. С виду его рассказ как будто бесстрашен: г-н Успенский никого не хвалит, видно, что и не хочет хвалить; не вы-

ставляет на вид хороших сторон народа и не меряет их на известные, общепринятые и выжившие цивилизацией мерочки добродетели. Он и не бранит за зло, даже как будто и не сердится, не возмущается. Сознательный вывод он предлагает сделать самому читателю. А между тем есть следы, что беспристрастие это вовсе не от равнодушия и внутреннего спокойствия. Это можно проследить в самых тонких чертах, иногда как будто ни на что не намекающих. Два парня-работника лежат на печи². Спать еще они не хотят, и один рассказывает другому сказки. Художнической силы у г-на Успенского еще достает на то, чтобы прямо, из разговора парней, безо всяких объяснений определить их так, что вы узнаете их среду, образ мыслей, воззрения, их возраст и даже темпераменты. Вы с первой строчки чувствуете, что разговор их типически верен, и действительность увлекает вас. Между тем, по-видимому, в разговоре этом нет никакого толку, никакой особенной связи, ни на что он особенно не намекает и даже «без всякого направления». Разговор идет о мертвцах. Парень рассказывает, между прочим, о самых ненужных и совершенно не идущих к его рассказу вещах. Подробно увлекается тем, как у какого-то Антошки, героя рассказа, воспитывались какие-то птицы, какие-то звери и проч., и что делал с ними, и чему научил их этот чудак Антошка, которым парень, очевидно, несколько увлекается. Но все эти ненужности, которыми увлекается парень и отводит себя от рассказа, показывают след его мыслей, степень его умственных способностей, показывают, что парень в его летах и в такой среде может увлечься, показывают несколько детское настроение его ума, а между тем целомудренность и простоту нашей сельской молодежи и т. д. и т. д. Но что бы это ни показывало, важно то, что все очень дорого для г-на Успенского. Он как будто боится проронить хоть единое слово в их разговоре, и вы чувствуете это так, что вслед за г-ном Успенским и нам тоже становится это дорого, и, может быть, отчасти именно потому, что самому автору это так дорого. Кстати заметим: вот мы теперь хвалим все эти ненужности, за которые цепляется беспрерывно рассказ г-на Успенского, и (если можно так выразиться) то направление, которое одушевляло г-на Успенского. Но мы и теперь сожалеем, что г-н Успенский не умеетправляться с этими ненужностями. Что он говорит на десяти страницах, то у сильного художника уместилось бы на одной, да еще так, что и ненужности эти остались бы; да еще, кроме того, вы бы яснее и осознательнее поняли, что это — ненужности, и в то же время догадались бы и о необходимости их, и то именно, что

они выражают. У г-на Успенского, действительно, рядом с необходимую, многознаменательную ненужность выглядят и совершенно ненужная ненужность, только за темнящая настояще дело, так что, опять повторяем, если из-за рамки выглядывает кончик коровьего хвоста, он и его причисляет к делу, не заботясь о том, насколько он вредит единству картины.

Все это мы говорим не потому, чтоб нам так особенно дорога была художническая отделка вещицы (хотя и красота отделки в этом случае слишком не мешает), но потому, что эта самая художественность отделки придает мысли ясность, выпуклость, осязательность, правду: а художническая сила и состоит *в правде и в ярком изображении ее*. То же простодушие в любви к народу у г-на Успенского замечается и в прекрасном его рассказе «Поросенок». Вы в продолжение всего рассказа смеетесь, но не насмешливым смехом; а если так, то на вас уже подействовала идея писателя. Мы знаем: иным скороспелым понравится этот рассказик именно потому, что вот, дескать, «посмотрите, добрые люди, как легко у бедной женщины, живущей своим трудом и простодушным откармливанием поросят, украдь, в нашем обществе, поросенка и таким образом лишить бедную женщину нескольких рублей, необходимых для ее пропитания. Посмотрите, наконец, как затруднительно в нашем обществе отыскать потерянного поросенка; сколько неправды, сколько взяток должна была она дать, а поросенок все-таки не отыскался, да и с нее же, наконец, взяли штраф. Нет! покамест законы... материальное обеспечение... ясность взгляда на вещи... развитие и т. д., и т. д.». Все это очень хорошо и, действительно, справедливо; но нам важно более то, что г-н Успенский показывает нам действительную, настоящую суть дела. Отвлеченное негодование на злодейство (почему же слово «злодейство» не может быть употреблено и относительно пропавшего поросенка? ведь тут не совсем в поросенке дело) может быть возбуждено и одним чтением статистических таблиц. Но художник показывает нам, как именно дело происходило, и тем чрезвычайно объясняет, может быть, даже самые статистические таблицы. Г-н Успенский исполнил задачу свою великолепно. Мало того, что вы видите окончательную форму и состояние нашей администрации, основавшейся между простонародьем, вас поражает и то, каким образом такая полная невозможность, такая идеальная утопия может ужиться в среде простонародья и так же твердо определиться в ней, как самый неотразимый факт в мире. Добродушие отношений, связывающих администрацию и народ, всего более в этом

случае удивительно. Это-то добродушие и составляет задачу, камень преткновения, серьезнейший предмет изучения, и удачная, совершенно верная картина действительности чрезвычайно поможет в этом случае исследователю. Поросенок пропал: не говорим уже о том бесконечном простодушии рассказа, о доверчивости этой честной, вовсе неглупой женщины, которая не подозревает даже и тени смешного в своем рассказе (но товарка, слушающая этот рассказ, и не может смеяться. Им, не так как нам, не до смеху; со всякой из них то же может случиться), но посмотрите: бабенка вполне знает, а если не знает, то предчувствует, должна предчувствовать (недаром же она жила сорок лет на свете), что через начальство трудно отыскать поросенка. Между тем она идет к начальству. Все с нее берут; но это бы еще ничего, так водится, сразу не выскошишь, но важно то, что берут с нее не за то, чтобы сыскать ее поросенка, а для того, что ее как бы самое считают виновною. Попалась в лапы, так уж себя одну вини. По всем приемам видно, что баба сама наконец считает себя в чем-то виноватою. И все это пакостит, но совершенно безгрешно, потому что все совершенно уверены, что так и должно быть. В этом-то и величайший комизм рассказа. Ей наконец дают выговор: как она смеет беспокоить начальство, пишут, разумеется (ну как не перевести при эдаком случае двух-трех листов бумаги), и отпускают наконец, разумеется без поросенка, но с солдатом, который все-таки с нее требует взятку, не за что-нибудь, не из злобы какой-нибудь, а так, чтоб остаться верным своим убеждениям: у него и в мыслях не может быть, чтоб с нее не взять. Простодушие, добродушие и вместе с тем извращение самых обыкновенных, самых естественных понятий; добродушнейшее признание необходимости таких фактов, которых и просто-то за факт нельзя признать, а, напротив, надо причислить к горячешному бреду, к болезни мозга, эта незлобивость рассказчицы, принимающей все это за необходимость и даже за закон природы, объясняется только одним: совершенно отчужденностью духа народного от духа административного. Если б административный порядок вышел из духа народного, из свойств народных, сколько-нибудь был бы сродни народу, то он был бы ему и понятен, сильнее бы волновал его в случае злоупотреблений, скорее бы он понимал его, все его извращения и недостатки. Но секретность, таинственность, мистическая замкнутость администрации до сих пор еще влияют на народ, стоят перед ним как-то загадкой. Нам именно нравится, наконец, что г-н Успенский выбрал такой обыденный случай для своей критики. Обыден-

ных случаев больше, чем необыденных: из них слагается вся жизнь простонародья. Да и доверчивость, неоскверненность духа народного при такой обстановке становится еще понятнее, несмотря на уморительную комичность рассказа.

Есть у г-на Успенского еще рассказ «Старуха», по нашему мнению, самый значительный — из всех двадцати четырех рассказов. Эта старуха смиренно рассказывает все самое дорогое души своей самому безучастному человеку в мире, немного уже цивилизованному дураку, который считает себя несравненно выше ее и слушает ее от нечего делать. Добротное, вполне бессознательное принижение старухи, понимающей, что ее горе надоедливо для слушателя, извиняющей потому этого слушателя и даже и не думающей роптать на грубую его невмешательность, даже считающей, что ей делают огромное одолжение, позволяя ей поплакать о своей великой, материнской скорби,— все это передано даже художественно.

Вы чувствуете, что это верно, и вас невольно поражает мысль о внутренней правоте народной нравственности, о глубине сердца народного и о прирожденной широкости его человеческих воззрений, и, главное, все это отражается так ярко,— по-видимому, в последнем из созданий, забитой, затянутой и полупомешавшейся деревенской бабе. Слушатель ее уже отделился от народа. Он уже на первом шаге цивилизации. А на первом шаге цивилизации человек грубее и несравненно разъединеннее с народом, чем на последнем.

Не знаем, разовьется ли далее г-н Успенский. То, что движет его внутренне, — верно и хорошо. Он подходит к народу правдиво и искренно. Вы это чувствуете. Но может ли он взглянуть глубже и дальше, и сказать собственно свое, не повторять чужого, и, наконец, суждено ли ему развиться художественно? Суждено ли ему развить в себе свою мысль и потом ясно, осознательно ее высказать? Все это вопросы. Но задатки очень хороши; будем надеяться.